

РУССКАЯ КУЛЬТУРА ПОД ЗНАКОМ РЕВОЛЮЦИИ

Дальний Восток, близкая Россия. Выпуск 2

러시아 문화

ロシア文化

Русская культура

ПОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ БЫТ ЛИТЕРАТОРОВ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В. Ф. БОЦЯНОВСКОГО¹

Владимир Феофилович Боцяновский (1869–1943) начал свою литературную деятельность как публицист. Сын священника, во время учебы в Житомирской первой гимназии сотрудничал в местной газете «Волянь» (с 1885), а с 1890-х годов, когда являлся студентом историко-филологического факультета Петербургского университета², печатался в крупных журналах — «Историческом вестнике», «Русской старине», «Новом слове» и др. В начале 1900-х заведовал отделом критики газеты «Русь» (1903–1908), являлся фактическим редактором журнала «Серый волк» (1907–1908), участвовал в издании газеты «Новь», сотрудничал как критик в газетах «Новая Русь», «Новое время», «Биржевые ведомости». В то же время Боцяновский писал художественные произведения, публикуя их в массовых изданиях («Русь», «Утро», «Серый волк», «Солнце России», «Искорки», «Огонек», «Север» и др.).

В начале 1918 года он принял участие в коллективном проекте «Петроградского листка» — романе «Чертова дюжина» (или «Роман 13-ти»)³. Перу Боцяновского принадлежат небольшие критико-биографические работы, благосклонно встреченные современниками, — это этюды о Максиме Горьком (СПб., 1901), Леониде Андрееве (СПб., 1903), Викентии Вересаеве (СПб., 1904). Значительное место в жизни литератора занимал театр: он принимал деятель-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-34-01036 «Редакционный архив газеты “Русь”. В. Ф. Боцяновский: воспоминания и письма»

² Сведения из автобиографического письма В. Ф. Боцяновского С. А. Венгеру 1903 г. (РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Ед. хр. 582. Л. 3). См. также: Кузнецова 1989: 321.

³ В заметке «Роман тринадцати!» А. А. Измайлов прокомментировал это начинание следующим образом: «Тринадцать авторов [...] разработают общий замысел увлекательного романа, на котором читатель немножко отдохнул бы от речей об аннексиях и контрибуциях, о последних выступлениях на заседаниях циксовдепа и т. д. [...] Тринадцать авторов не создадут вторую “Анну Каренину”, но, вероятно, напишут живой и увлекательный роман» (Измайлов 1918: 2). Об инициативе создания коллективного романа см. также: Павлова 1999: 286–287; Александров 2008.

ное участие в театральной жизни Петербурга, написал несколько пьес⁴, публиковал исследования по истории театра⁵.

После революции Боцяновский не покинул Советскую Россию. Изменившиеся политические условия внесли в жизнь литератора свои коррективы, заставив перейти в русло «просветительской», педагогической деятельности. В 1920-е — 1930-е годы он читал лекции в Институте журнализма при Российском телеграфном агентстве, преподавал технику журнального дела и историю литературы в Коммунистическом университете (Дворце Урицкого), вел курсы по истории литературы и технике сценария при Государственном техникуме экранного искусства, работал в библиотеке Академии наук⁶, числился сверхштатным сотрудником в Пушкинском Доме (Скатов 2005: 409). И вспоминал события насыщенной литературной и театральной жизни Петербурга 1900-х — 1910-х годов, писал статьи, воспоминания о современниках, со многими из которых был лично знаком. Среди них А. И. Куприн, Л. Н. Андреев, Н. А. Клюев, Ф. Сологуб, А. А. Измайлов и др.⁷ Большинство из работ Боцяновского так и остались неопубликованными. Между тем, его очерки (иногда совсем небольшие по объему) — ценные свидетельства активного участника литературного процесса, искренние впечатления современника.

Подробности послереволюционной жизни многих деятелей литературы и искусства до сих пор остаются «за кадром», в особенности это касается литераторов второго ряда. Если их деятельность времен царской России освещена довольно подробно, то в пореволюционное время с прекращением большинства периодических изданий, с утратой дружеских и рабочих отношений, с разрывом в переписке и пр., быт и условия жизни и деятельности работников пера остаются не проясненными. Потому крупницы информации, содержащиеся

⁴ Некоторые пьесы были опубликованы: Боцяновский В. Ф.: 1) *Натали Пушкина: (Жрица солнца): Драм. сцены в 4 д.* [СПб.], [1912]. 34 с.; 2) *Великая пророчица: Комедия в 4 д.* СПб., [1913]. 42 с.; 3) *За красным крестом: Драм. картина в 1 д.* Пг., [1914]. 13 с.; 4) *Петр III: Ист. драма в 5 д. и 9 карт.* Пг., 1923. 126 с.; 5) *Патриарх Никон: Трагедия в 5 д. и 6 карт.* Пг., 1923. 127 с.

⁵ См.: Боцяновский В. Ф. *Н. А. Полевой как драматург: (К 50-летию его смерти)*. СПб., 1896. 41 с.

⁶ См.: Трудовой список В. Ф. Боцяновского // РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 763. Л. 9–11. Он также продолжал писать пьесы. В этот же период, согласно авторскому списку работ, были завершены драматические произведения «Патриарх Никон: Трагедия в 5-ти действиях» (1920), «Петр III: Драма в 5-ти действиях» (1921), «Дуэль Пушкина: Драма в 5-ти действиях» (1935), «Фленушка: Пьеса в 4-х действиях» (1938) и др. (Там же. Л. 122).

⁷ См.: Боцяновский В. Ф.: 1) *Литературное наследство А. И. Куприна: (По поводу 50-летия его первого рассказа)*. Черновой автограф. 10 мая 1940 г. // РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 47; 2) *Записка о встрече с Н. А. Клюевым*. Автограф. 28 марта 1928 г. // Там же. № 45; 3) *А. Р. Кугель: (10-летию его смерти)*. Автограф. 1938 // Там же. № 49; 4) *На культурном фронте в 1918 году: (Из воспоминаний участника)*. Автограф. 1938 // Там же. № 65 и др.

в человеческих свидетельствах современника, так важны для реконструкции летописи их жизни и творчества. Жизнь литераторов в то время сводилась в первую очередь к стремлению выжить, добыть кусок хлеба, обогреться. Культурная составляющая, жизнь мысли и духа отодвинуты условиями времени на задний план, интеллигенция, по выражению газет того времени, повсеместно «деклассируется», и если интеллектуальная деятельность приносит теперь пропитание и крышу над головой, то это большая удача, в большинстве случаев сопряженная с тяжелыми условиями и физическим дискомфортом.

Общение Боцяновского с Федором Сологубом в середине 1920-х гг. позволило автору запечатлеть в своих мемуарах «Ушедшие»⁸ бытовые детали, несущие на себе явные приметы времени:

Все мы привыкли видеть его и на премьерах театральных и собраниях Союза драматических писателей, посвященных исключительно вопросам театра. Совершенно больной, он до самого последнего времени посещал эти собрания, для чего приезжал из Детского Села⁹, где в последнее время жил и лечился. И не только посещал, но принимал в них самое активное участие. Такой, казалось, замкнутый, как будто обвеванный навymi чарами, витавший в сказочной стране Ойле¹⁰, он, в действительности, был редким общественником. Большой художник, поэт, он не отказывался, когда это было нужно, от самой мелкой работы. В голодные годы, заходя к нему, я не раз заставлял его за машинкой, на которой он писал разного рода бумажки по делам своего «домкомбеда»¹¹, вплоть до повесток на собрания. Как странно, как невероятно, не правда ли? Сологуб, один из крупнейших художников, и за такой работой!¹²

⁸ Поводом к написанию воспоминаний стала смерть Ф. Сологуба в декабре 1927 года. Это событие всколыхнуло литературную общественность, появился целый ряд некрологов и воспоминаний. К мемуарному очерку о Сологубе Боцяновский присовокупил воспоминания еще о двух современниках, ушедших из жизни в 1920-е годы. Ф. Сологуб, Е. Карпов и А. Измайлов хорошо знали друг друга, состояли в переписке, часто встречались на литературных вечерах и журфиксах. Еще одним обстоятельством, повлиявшим на объединение воспоминаний об этих литераторах в один очерк, стало их участие в Союзе драматических и музыкальных писателей. Знакомство Сологуба с Боцяновским носило формальный характер, это обстоятельство наложило отпечаток на очерк мемуариста.

⁹ Летние месяцы 1924–1927 годов Сологуб проводил в Детском Селе.

¹⁰ Подразумевается земля Ойле, сказочная страна из поэтического цикла Сологуба «Звезда Маир» (1898, впервые опубликован в «Третьей книге стихов», 1904); см.: Сологуб 2002: I, 225–230).

¹¹ Домовой комитет бедноты.

¹² РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 3. Притом, что в тексте довольно много «общих мест», здесь есть и существенные детали, иллюстрирующие жизнь Сологуба в последние годы. К таковым, например, следует отнести описание квартиры писателя, в которой внимание мемуариста привлекла печка-буржуйка, рефреном проходящая через все его пореволюционные тексты: «Даже голодные годы, даже знаменитая “буржуйка”,

Последняя часть этих воспоминаний посвящена совместной деятельности Боцяновского и литературного и театрального критика, беллетриста, драматурга Александра Алексеевича Измайлова¹³, о последних годах жизни которого мы имеем крайне скудные сведения¹⁴. Творческие пути двух литераторов неоднократно пересекались: в 1900-х — 1910-х гг. они работали в «Биржевых ведомостях», в 1916 году по предложению Измайлова Боцяновский был введен в редакцию «Петроградского листка», где сотрудничал в качестве литературного и театрального критика. Судьба не разъединила их и после 1918 года, когда были закрыты все частные газеты и оба остались без работы. В это время бывшие коллеги жили на случайные заработки. Они вели литературный кружок в одном из клубов Балтфлота, занятия с курсантами по технике газетного дела в Институте журнализма¹⁵, а также подрабатывали чтением лекций перед киносеансами. Этому занятию в мемуарном очерке Боцяновского «На культурном фронте» посвящено несколько выразительных фрагментов:

Кино, по указанию В. И. Ленина, было признано одним из мощных орудий такой перестройки. Новых картин, которые давали бы для этого подходящий

загрязнившая квартиры всех граждан, здесь оказалась бессильной внести беспорядок и нарушить обычную чистоту этого кабинета. Небольшую, аккуратную чугунку Сологуб нередко сам топил аккуратно наколотой лучиной, хотя, правда, и не скрывал иной раз, что мог бы свое время использовать гораздо более плодотворно» (там же. Л. 2).

¹³ См.: Воспоминания В. Ф. Боцяновского. А. А. Измайлов. Черновой автограф. 30 мая 1921 г. // РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 36. 13 л.; А. А. Измайлов. Заметка. Черновой автограф. <1921 г.>. // Там же. Ед. хр. 37. 4 л. Первые наброски очерка об Измайлове были сделаны сразу же после его кончины в 1921 году. Черновые записи послужили основой для третьей части «Ушедших».

¹⁴ Некоторые сведения об Измайлове представлены в воспоминаниях В. В. Смиренского (см.: Скорбный 1922: 21), отдельные подробности запечатлены в мемуарном очерке А. В. Амфитеатрова «Дом литераторов в Петрограде 1919–1921 годов» (Амфитеатров 2004: 2, 209–211) и в воспоминаниях И. И. Ясинского (Ясинский 2010: 1, 532–542). Некоторые сведения донесли до нас письма к тем немногочисленным корреспондентам, с которыми Измайлов продолжал переписываться после революции. Одним из таких эпистолярных собеседников был Абрам Евгеньевич Кауфман (1855–1921), журналист, председатель правления (с 1919 г.) «Общества взаимопомощи литераторов и ученых» и редактор-издатель его органа — журнала «Вестник литературы». В архиве РО ИРЛИ сохранилась небольшая по объему переписка Кауфмана и Измайлова за 1920 г. Эти корреспонденции — одни из немногих свидетельств последних лет жизни литератора. Для настроения Измайлова тех лет показательны письмо, в котором он категорически отказывается от празднования своего литературного юбилея, и даже появление «юбилейной статейки» по этому поводу кажется ему «мерзостью перед Господом» (РО ИРЛИ. Ед. хр. 14.501. Л. 3-3 об.). Кауфману принадлежит статья-некролог «Памяти А. А. Измайлова» (Кауфман 1921).

¹⁵ Школа журнализма основана в Петрограде в 1918 г. П. М. Пильским. Состоялся только один выпуск учеников Школы. Подробнее об истории создания, сотрудниках см.: Недлин 2016.

материал, однако, не было, а унаследованные от старого кино, если и могли быть использованы, то лишь при большом их корректировании. Единственное, что можно было сделать — это организовать для этого специальную коллегия корректоров-лекторов, которые бы выступали при картинах. В качестве лекторов была привлечена группа литераторов и журналистов, которым было поручено обслуживать немногочисленные в то время кинотеатры. Громкое название «театр», которое подкреплялось пышными наименованиями, вроде «Молния», «Прогресс», «Буревестник» и др., не в состоянии было замаскировать убогости помещений, в которых шли киноспектакли. [...] Не легкое это было дело. И не потому только, что приходилось читать в холодных, промерзлых помещениях. С этим справлялись. Приходишь, бывало, в какой-нибудь «Слон» или «Молнию». В «фойе», посередине топится все та же, но только огромных размеров «буржуйка». Около нее, в ожидании картины — зрители, начиная от маленьких спекулянтов мальчишек, торговавших папиросами, — «папиросников» и кончая взрослыми мужчинами и женщинами, пришедшими сюда отдохнуть от домашней обстановки. В кармане несколько картофелин. Кладешь их на буржуйку и через некоторое время готов ужин — не столько сытный, сколько, и это главное, горячий. Огонь заботливо поддерживают все, чем могут. Спокойно, как самое обыкновенное дело, выковыривается половая доска. Выламывается «не нужная» деталь в стене или мебели. Самая мебель казалась ненужной и сколько вещей было равнодушно сожжено не только в кино, но и в квартирах. Внутренние «лишние» двери, перегородки, паркет, книги, даже книги, все приносилось в жертву огню... Что ж? Вещи для человека, а не человек для вещи¹⁶.

Коллега Боцяновского по этой работе воспринимал свое занятие в совсем иных красках. Если для Владимира Теофиловича его «скромная лекторская работа в кино и разного рода кружках» вспоминается «хорошо, с каким-то особым чувством», как «лучшие молодые дни», когда «переоценивалось старое культурное наследство, выбрасывалось старье, строилась новая жизнь», — то для Измайлова это был тяжелый труд ради заработка, о чем он сообщал в письме к Ясинскому от 25 июня 1920 г.:

Вечером в 8 ч. (и смежные часы) каждодневно читаю очередную лекцию в кинематографе «Форум» на острове. [...] Я вынужденно живу тоже горячею умств<енною> жизнью, разрывался между лекциями литературы русской и иностранной, картинами кинемо и т. д. Собственно для своей литер<атурной> работы места не остается. Усталость большая, но всё же мне теперь много легче, чем прежде, когда не только утра, а целые дни сгорали без смысла¹⁷.

О работе Измайлова в 1919-е — 1920-е годы Боцяновский сделал важные уточнения в черновых рукописях своих воспоминаний:

¹⁶ Боцяновский В. Ф. *На культурном фронте: (Из воспоминаний лектора)*. Автограф. <1938 г.> // РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 59.

¹⁷ РО ИРЛИ. Ф. 352. Оп. 2. Ед. хр. 310. Л. 5–6.

С прекращением этого издания «Петроградского голоса» — А. А., Э. А.», после Октябрьской революции Измайлов посвятил себя культурно-просветительской работе. В качестве лектора он прочитал не менее 1000 лекций в целом ряде кино на литературно-общественные темы. Руководил литературным кружком в одном из клубов Балтфлота и вел занятия с группой курсантов по обучению технике газетного дела в Институте журнализма. Всю свою жизнь Измайлов жил исключительно литературными трудами. В последние годы жизни (1918–1921) его обеспечением был паек, который он получал из КУБУЧ¹⁸ и Балтфлота, и заработок его до революции, сколько мне известно, был от 15 до 20 тыс. рублей в год¹⁹.

Именно лекторская работа становится основным источником заработка для многочисленных сотрудников повременной печати, прекратившей свое существование с середины 1918 года. Основными площадками для них становятся кинотеатры, Школа журнализма, где ведутся лекционные курсы ведущими сотрудниками закрытых буржуазных изданий (Недлин 2016), а также различные клубы для матросов и курсантов. Главным материальным поощрением на таких работах становится красноармейский дневной паек, о размерах которого можно судить по письму В. В. Смиренского, приглашавшего 19 сентября 1920 г. А. А. Измайлова в Шувалово на чтение лекции для красноармейцев:

Я говорил вчера с нашим комиссаром, и он сказал, что если бы Вы согласились прочесть у нас лекцию на тему о литературе, — он был бы очень рад, и солдаты также. Достаточно для этого 1 часа. Условия — красноармейский дневной паек, т. е. хлеба 1 ½ ф<унта>, крупы 24 зол<отника>, рыбы 24 зол<отника>, сахару 8 зол<отников> и т. д. Так если Вам не трудно, Вы можете легко заработать это в эту же субботу и продолжать так еженедельно²⁰.

Тяжелейшее материальное положение, голод и бытовые нужды становятся лейтмотивом в воспоминаниях литераторов, их переписках начала 1920-х гг.

¹⁸ КУБУ — Комиссия по улучшению быта ученых, созданная в 1920 г. при Доме ученых (Миллионная (Халтурина) ул., 27) и призванная осуществлять его основные задачи (улучшение быта ученых и распределение академических пайков). В состав Петроградского КУБУ, председателем которого был М. Горький, входили С. Ф. Ольденбург, Н. А. Котляревский, И. И. Манухин, А. Е. Ферсман, М. П. Кристи и др. (Материалы КУБУ см.: ЦГА СПб. Ф. Р-2995. Оп. 1–4. Ед. хр. 587).

¹⁹ Боцяновский В. Ф. А. А. Измайлов. Заметка. Черновая рукопись. Ф. 439. Оп. 1. № 37. Л. 4-4 об. В апреле 1916 г., прервав сотрудничество с «Биржевыми ведомостями» и «Русским словом», Измайлов возглавил редакцию «Петроградского листка». Под управлением нового редактора на тот момент популярное издание, не выделявшееся из общей массы бульварной прессы для городских низов, стало приобретать более благообразный вид, «олитературиваться»: к сотрудничеству были привлечены известные писатели и общественные деятели. См. об этом: Александров 2008; Шмагун 2016. Газета была закрыта в августе 1918 г.

²⁰ Письмо В. В. Смиренского к А. А. Измайлову от 19 сентября 1920 г. // РО ИРЛИ. Ф. 115. Оп. 3. Ед. хр. 307. Л. 2–3.

Лишившись основного места работы и существуя на случайные заработки, многие литераторы продолжали заниматься творческой работой, материальное неблагополучие оказывало на людей угнетающее психологическое воздействие. А. А. Измайлов в письме от 8 сентября 1919 г. к Э. Ф. Голлербаху отмечал: «Духовную жизнь едва теплишь, пытаюсь читать, идя по улице. Близко превращение в полное быдло, помышляющее только о еде» (Измайлов 2017: 524).

Прекращение трамвайного сообщения в послереволюционном Петрограде вспоминается Боцяновскому как возможность подготовиться к лекции перед киносеансом «на ходу», продумать свое выступление в деталях:

Коротенькие и, казалось бы, такие пустячные выступления необходимо было обдумывать со всех сторон. Правда, времени для этого было более чем достаточно. Идешь в кино иногда полчаса, и то и час. Обратное столько же времени. Трамваев ведь не было. Извозчиков тоже. Да в самом кино в промежутке между сеансами по два часа. Было время обдумать все²¹.

Однако «дорожная разруха» (Измайлов 2017: 531) была тяжелым испытанием для Измайлова, который часто в письмах этого периода жалуется своим корреспондентам на перебои с трамвайным сообщением:

Я приобрел тяжелую и подлую болезнь сердца. Ложная грудн<ая> жаба на почве невроза. Вероятно, Вы знаете, что это такое. Человека душит при движении, как если бы кто схватил его за грудь и горло. Огневая боль. Вчера — ровно 2 месяца, как она меня не покидает. А ходить необходимо. Иду и останавливаюсь после 100 шагов, а самому холодно. Проклятие! (Там же: 29)

Тема необустроенного быта повсеместно встречается в воспоминаниях о пореволюционной жизни в России. Вкрапления в мемуарные тексты описаний встреч начала 1920–х гг. за чашкой чая со скромными угощениями, наполненные особой атмосферой тепла и уюта в крайне стесненных условиях, — результат перенесенных потрясений 1918–1919 гг., сопряженных с жесточайшими лишениями новой пореволюционной действительности. В июне 1918 года А. А. Измайлов в письме к В. В. Розанову так описывал сложившуюся в Петрограде обстановку:

У нас в СПб настоящий голод, размеров к<ото>рого никогда я не предусматривал в самом страшном своем сне. Хлеба, кроме 1/8 (и то не каждый день), не достать ни за какие деньги. Вместо хлеба жарим какую-то дрянь из шкуры картофеля и сухих кореньев. Научился селедку есть без хлеба. По кладбищу хожу²² и ем завязи акации, уже завидуя апостолам, «востор-

²¹ Боцяновский В. Ф. *На культурном фронте в 1918 г.: (Из воспоминаний лектора)* // РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 5

²² Речь идет о Смоленском кладбище, рядом с которым проживал Измайлов, по адресу: Васильевский остров, 17-я линия, д. 70. Несмотря на то, что с переходом в «Петроградский листок» он получил квартиру на Екатерининском канале, квартира у Смоленского кладбища оставалась за критиком.

гавшим классы»²³. Счастлив в тот день, когда удастся достать конины... (Там же: 488)

Неразлучный спутник холода — голод, надолго вошедший в жизнь литераторов после переворота. Тем слаще мемуаристу вспоминать о редких минутах комфорта и вкусной пище:

Помню, как-то, уже в голодные годы, он <Измайлов — А. А., Э. А.> усилено приглашал меня к себе. — Приходите, — говорил он, — прочту вам новую свою пьесу о Чернышевском, а за это лепешками вас угощу. Жил он на Васильевском острове у «самого синего моря», в конце 17 линии. В небольшой комнате, служившей ему и спальней, и рабочим кабинетом и кухней, была сложена кирпичная «буржуйка». А <Александр> А <Алексеевич> достал из-за дверей мелко наколотых дров, вернее лучины, затопил печку, затрещал огонь — дрова были сухие, из только что разломанного старого дома, — и не прошло часа, как мы уже сидели за горячими, душистыми лепешками, изготовленными его собственной рукой. Блины, в то время большое лакомство, теплота, тогда не такая уж частая, дымящиеся стаканы чаю и мелко-мелко наколотые кусочки сахара располагали к благодушию²⁴.

Сам герой очерка, еще в дореволюционное время славившийся своим хлебосольством и гостеприимством, зазывал на свое скромное угощение тех немногих друзей, связь с которыми не прервалась после революции. Так, 25 июня 1920 г. Измайлов писал И. И. Ясинскому:

В моем быте произошла нек<ото>рая перемена. Я оставил службу у Демчинского и взял лекторство и инспекторство в театр<альной> Школе Ге при Морведе. Занят четыре вечера в неделю (до ночи), имею паек, — с этого момента увидел свет, и если бы теперь когда-ниб<удь> Вы заглянули ко мне, я мог бы Вас досыта полакомить блинами, кои на очаге научился делать в совершенстве. (Измайлов 2017: 542)

Воспоминания о работе в литературных кружках в клубах Балтфлота также окрашены в светлые, даже радостные тона благодаря дружественной обстановке, царящей среди матросов, теплу и сытному обеду, которым матросы угощали своих «лекторов» после занятий:

Работа на кораблях проходила в совершенно иных условиях. С непривычки, особенно первое время, нелегко было взбираться на корабль по сходням, а иногда и по веревочной лестнице. Хозяевам корабля, наверно, было забавно наблюдать эти акробатические упражнения лекторов. Они добродушно подшучивали, но в трудные моменты все же приходили на помощь, так что падать не пришлось ни разу. На корабле под занятия отводилась обыкновенно кают-

²³ Ср.: В то время иде Иисус в субботы сквозе сеяния; ученицы же Его взалкаша, и начаша востерзати класы и ясти (Мф. 12:1). См. также: Лк. 6:1.

²⁴ Боцяновский В. Ф. *Ушедшие* // РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 13.

компания. В ней было просторно, тепло, светло, уютно. «Лекция» всегда и неизменно превращалась в беседу, так как лектора все время закидывали иногда записочками, а чаще всего непосредственно вопросами с места. Это давало возможность здесь же сразу выяснить непонятное и недосказанное и придавало беседе характер интимности [...] Отношение краснофлотцев к лектору было исключительным. Почти всегда, после занятий они приглашали к себе, «в гости», в свои каюты... Тут появлялся чай (с сахаром!) масло, хлеб, а иногда и «кандер» пшеничный мясной суп. Как ни отказываешься, бывало, а наливали полную миску, причем обязательно клали туда масла — ударение на «а» (это не масло, а так назывались кости с мясом). За супом и чаем, в теплой, даже жаркой каюте, ярко освещенной электрическим светом, продолжалась беседа на самые разнообразные темы, извлекались замасленные тетрадки, читались собственные стихотворения, именно больше всего стихи, хотя попадалась и проза. Тут, в таких беседах очень скоро устанавливались отношения, о которых и сейчас, 20 лет спустя, вспоминаешь с чувством большой любви и радости²⁵.

Мемуарные очерки В. Ф. Боцяновского являются ценным источником сведений о судьбах литераторов, газетных работников, поэтов и прозаиков в пореволюционном Петрограде. Представленный в настоящей работе ряд текстов, сохранившихся в фонде критика и мемуариста и доступных лишь узкому кругу исследователей, готовится к публикации авторами данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

- Александров А. С. 2008. А. А. Измайлов — реформатор «Петроградского листка» (1916–1918) // *Русская литература*, № 4. С. 133–142.
- Амфитеатров А. В. 2004. *Жизнь человека, неудобного для себя и для многих*. В 2 т. М.: НЛО.
- Измайлов А. А. 1918. Роман тринадцати! // *Петроградский голос*, 4 мая (№ 73). С. 2
- Измайлов А. А. 2017. *Переписка с современниками*. Сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Пушкинский Дом.
- Кауфман А. Е. 1921. Памяти Измайлова // *Вестник литературы*, № 3. С. 12–15.
- Кузнецова О. А. 1989. В. Ф. Боцяновский // *Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь*. Т. 1. М.: Советская энциклопедия. С. 321.
- Недлин Л. Я. 2016. Из истории журналистского образования в России: первая школа журнализма в советской России (Петроград, 1918 г.) // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*, № 1. С. 76–87.
- Павлова М. М. (публ.) 1999. Федор Сологуб и А. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год*. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 194–293.

²⁵ Боцяновский В. Ф. *На культурном фронте в 1918 г.: (Из воспоминаний лектора)* // РО ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. Ед. хр. 66. Л. 10.

- Скатов Н. Н. (ред.) 2005. *Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Скорбный А. 1922. *Александр Алексеевич Измайлов: Монография*. Пб.: Кольцо поэтов.
- Сологуб Ф. 2002. *Собр. стихотворений: В 8 т.* СПб.: Навьи Чары.
- Шмагун О. В. 2016. Известные журналисты в газете «для дворников и лакеев» // *Медиаскоп: Электронный научный журнал факультета журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова*, вып. 3. <<http://www.mediascope.ru/?q=node/2140>>
- Ясинский И. И. 2010. *Роман моей жизни: Книга воспоминаний*. В 2 т. М.: НЛО.